

42-й груз. Часовая лампада

«Срок — сто лет. 1924–2024.
Часовая лампада»

Гурнүтин В.

Гурнутин Владимир

42-й груз. Часовая лампада

<https://litres.ru/74321048>

SelfPub; 2026

Аннотация

«42й груз. Часовая лампада» — третья книга цикла о поисках исторических артефактов. Реставратор Лиза Ковальчук и профессоркриптограф Глеб Ветров расследуют тайну старообрядческой общины Иркутска. В ночь на 5 сентября 2024 года сгорает часовня Рождества Богородицы — и под её руинами обнаруживают тайник со столетней часовой лампадой, Евангелием 1695 года, списками общины и картой с тремя отметками. Число 42 оказывается ключом к разгадке: оно связывает судьбу лампы, рассчитанной на сто лет горения, с системой тайников митрополита Игнатия. Герои следуют по следам предков — от предместья Рабочее до УстьУды, мыса Крестового и Ольхона, — раскрывая не только местоположение схронов, но и драму людей, сохранивших веру в годы гонений. К команде присоединяются Сергей Распутин и Виктор Гонцов — потомки тех, кто сто лет назад прятал и находил правду. Им предстоит опередить организацию «Хранители» и отыскать «белый камень» — последний тайник, хранящий послание для потомков.

Содержание

ДОСЬЕ	4
ПРОЛОГ. Ночь в Знаменской слободе	9
Глава 1. Пожар	14
Глава 2. Архипов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гурнутин Владимир

42-й груз. Часовая лампада

ДОСЬЕ

Архив ФСБ. Дело 42-К/2024. Гриф: «Совершенно секретно». Доступ — только по спецпропуску.

1. Историческая справка: Старообрядчество в Иркутской губернии

Старообрядчество появилось в Сибири вскоре после Раскола 1666 года. Первые ссыльные старообрядцы прибыли в Иркутский острог в 1680-е годы. К началу XVIII века в Иркутской губернии существовало несколько крупных старообрядческих общин, самая значительная из которых располагалась в Знаменской слободе — ныне это предместье Рабочее.

Митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий (в миру — Иван Степанович Римский-Корсаков), прибывший в Сибирь в 1692 году, проводил политику «тихого укрывательства». Он не преследовал старообрядцев — напротив, позволял им селиться на окраинах и молиться в частных домах. Взамен они помогали митрополиту строить храмы и делились информацией о тайных тропах и схронах. Именно Игнатий заложил три тайника, которые спустя триста лет ста-

нут предметом поисков.

К 1924 году в Иркутской губернии насчитывалось около сорока старообрядческих общин. Большинство из них были разгромлены в ходе коллективизации и Большого террора 1937 года.

2. Ключевые фигуры

Иннокентий Петрович Вампилов (1858–1924)* — священник Знаменской старообрядческой общины, прадед драматурга Александра Вампилова. Арестован 15 января 1924 года, расстрелян 22 января. Перед арестом успел спрятать общинный архив и часовую лампаду.

Семён Михайлович Распутин (1870–1937)* — староста Знаменской общины, дед писателя Валентина Распутина. В январе 1924 года вывез список общины в Усть-Уду и спрятал в тайнике. Арестован в 1937 году, погиб в лагере.

Евдокия Матвеевна Вампилова (1862–1942)* — жена Иннокентия, хранительница общинной лампы. Умерла в ссылке в Туруханском крае.

3. Часовая лампада — артефакт

Механическая лампада с масляным резервуаром, рассчитанным на медленное горение в течение ста лет. Изготовлена в 1824 году иркутским механиком Егором Шадриним.

Характеристики: латунь, стекло, железо. Высота — 42 см. Вес — около 8 кг. На дне гравировка: «Зажжена в лето 1824. Да горит до скончания срока. Масло — память. Огонь —

правда».

Масло доливали в 1849, 1874, 1899 и 1924 годах. Последнее документированное свидетельство о горящей лампаде относится к 1942 году. Обнаружена пустой при разборе завалов сгоревшей часовни в сентябре 2024 года.

4. Реальные исторические лица

Александр Валентинович Вампилов (1937–1972) — драматург, автор «Утиной охоты» и «Старшего сына». В записной книжке 17 (февраль 1972 года, за пять месяцев до гибели) оставил запись: «Прадед. Часовня в Рабочем. Неугасимая лампада. $1924 + 100 = 2024$. Я не доживу. Но, может, кто-то прочтёт. Надо успеть до срока — иначе забвение». Погиб 17 августа 1972 года на Байкале.

Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015) — писатель, автор «Прощания с Матёрой» и «Уроков французского». В архиве сохранилось неотправленное письмо в редакцию (1995 год): «То, что спрятано в часовне в Рабочем, — не золото и не камни. Это правда. Правда о том, как мои предки и предки тысяч иркутян сохранили веру в те годы, когда вера была под запретом. Я не доживу до срока. Но, может быть, доживёт кто-то другой».

5. Содержимое тайника в часовне Рождества Богородицы

Изъято 10 сентября 2024 года:

1. Латунная лампада — пустая, с гравировкой на дне.
2. Евангелие 1695 года — с дарственной надписью митро-

полита Игнатия Знаменской общине.

3. Списки старообрядческих общин Иркутской губернии (1924) — 47 листов.

4. Письмо-исповедь Иннокентия Вампилова — обращение к потомкам.

5. Географическая карта с тремя отметками: «Схрон у старой мельницы» (Усть-Уда), «Пещера у мыса Крестового» (Байкал), «Остров Ольхон — святое место».

6. Разгадка числа 42

Число 42 проходит через всё расследование как сквозной код. Его значение раскрыто в финале:

- 42 — библейское число ожидания. 42 года от распятия Христа (33 г.) до разрушения Иерусалимского храма (70 г.) — период, когда христиане ждали и хранили веру.

- 42 поколения от Авраама до Христа (Евангелие от Матфея, глава 1).

- 42 сантиметра — высота часовой лампы.

- 42 — номер груза с казанской казной, отправленной в Иркутск в 1919 году и спрятанной поручиком Смолиным (первая книга цикла).

В финале Лиза Ковальчук находит запись митрополита Игнатия на «белом камне»: «Сорок два — число ожидания. Мы ждали. И вы дождались».

7. Связь с предыдущими книгами цикла

«42-й груз. Колчак» — Лиза и Ветров находят изумруд-

ный клад поручика Смолина и впервые сталкиваются с числом 42.

«42-й груз. Риза под собором» — герои находят Золотую Ризу Иверской иконы — первый из трёх тайников митрополита Игнатия.

«Часовая лампада» — герои находят второй тайник (архив старообрядцев) и третий тайник («белый камень» на Ольхоне). Число 42 получает окончательную разгадку. Цикл закрыт.

ПРОЛОГ. Ночь в Знаменской слободе

Январь 1924 года. Иркутск, Знаменская слобода.

Мороз стоял такой, что деревья трещали. С Ангары тянуло ледяным ветром, и даже собаки попрятались — ни лая, ни воя, только скрип снега под валенками. Часовня Рождества Богородицы темнела в глубине двора — низкая, приземистая, с заколоченными окнами. Если не знать, что здесь молятся, можно было принять её за сарай.

Иннокентий Петрович Вампилов стоял на коленях перед алтарём. Ему было шестьдесят пять, и мороз давно поселился в его костях — каждую зиму он думал, что эту уже не переживёт. Но пока Господь давал силы.

Огонь в лампаде горел ровно. Жёлтый, с голубоватым отливом — чистого конопляного масла оставалось ещё много, резервуар был почти полон. Иннокентий поправил фитиль — пламя вздрогнуло и снова выровнялось.

— Гори, — сказал он тихо. — Тебе ещё долго гореть.

Лампада была необычная — с секретом. Механик Егор Шадрин, царствие ему небесное, делал её на заказ: латунный сосуд высотой в сорок два сантиметра, с капиллярной трубкой и винтовым механизмом, который подавал масло так медленно, что одной заправки хватало на двадцать пять

лет. В 1824 году её зажгли впервые. Потом доливали масло — в 1849-м, в 1874-м, в 1899-м. Теперь его черёд.

Скрипнула дверь. Иннокентий не обернулся — он знал, кто это.

— Успел? — спросил он, не поворачивая головы.

Семён Распутин отряхнул снег с тулупа и перекрестился на иконы. Он был кряжистый, широкоплечий, с руками мельника — грубыми, в шрамах и мозолях. От него пахло морозом и лошадьми.

— Успел. Все до единого. — Семён достал из-за пазухи жестяную коробку, ещё тёплую от тела. — Семейные, дети, внуки — всех переписал. Сорок семь листов, триста двенадцать душ. Через сто лет, если кто найдёт, пусть знают: мы были.

Иннокентий наконец поднялся. Колени отозвались болью — старая история.

— Отвези в Усть-Уду. Там, у старой мельницы, под восточным жерновом — схрон. Твой отец его ещё рыл, в восемьдесят пятом. Знаешь место?

— Знаю. — Семён помолчал. — А ты?

Иннокентий посмотрел на лампаду.

— Я останусь. Масла хватит ещё на полгода. Лампада должна гореть. Сто лет — таков уговор.

Он подошёл к лампаде, положил ладонь на тёплую латунь. Пламя чуть качнулось, словно приветствуя его.

— Сто лет гореть, — повторил он. — А потом — кто бы

ни нашёл — пусть читают. Пусть помнят.

Семён переступил с ноги на ногу. Он был человек простой и в высокие материи не лез, но сейчас чувствовал: происходит что-то важное. Может, самое важное в его жизни.

— Думаешь, найдут?

— Должны, — сказал Иннокентий. — Игнатий ещё в девяносто пятом сказал: правда не умирает. Она ждёт. Сорок два года Христос ждал, пока Храм падёт. Сорок два поколения от Авраама до Него. Мы подождём сто лет — невелик срок.

Семён кивнул. Он не очень понимал про поколения, но верил Иннокентию. Все верили Иннокентию — потому что он никогда не врал.

— Прощай, отче, — сказал Семён.

— Прощай. — Иннокентий перекрестил его. — И помни: если меня не станет — лампаду не гаси. Кто бы ни пришёл, что бы ни случилось. Огонь должен гореть.

Семён ушёл через заднюю дверь. Впереди у него была целая ночь пути — сорок вёрст до Усть-Уды, через степь, в темноте. Сани ждали внизу, у Ангары.

Иннокентий остался один.

Он сел за маленький стол у стены и достал дневник. Кожаную тетрадь, которую вёл с 1918 года — с тех пор, как началось самое страшное. Чернила были почти на исходе, перо скрипело по бумаге.

«15 января 1924 года. За мной пришли. Прощайте. Лам-

пада в часовне, под плитой у восточной стены. Кто бы ты ни был — если ты читаешь это через сто лет, значит, ты тот, кого мы ждали. Не суди нас строго. Правда должна жить».

Он дописал последнее слово и положил перо. Руки не дрожали. Это было странно — он думал, что будет бояться. Но страха не было. Только покой.

Стук в дверь раздался через час.

Их было четверо. Старший — молодой, с жёстким взглядом и заиндевевшими усами, — шагнул вперёд.

— Гражданин Вампилов Иннокентий Петрович? Предъявите документы.

Иннокентий спокойно посмотрел на него.

— Документов у меня нет. Вы это знаете. Вы пришли за мной — так забирайте.

Чекист чуть опешил. Он привык к другому — к дрожащим рукам, к мольбам, к слезам. А этот стоял и смотрел, как будто это не его сейчас уведут в серый дом, откуда не возвращаются.

— Обыск, — бросил чекист своим.

Они перевернули всё: алтарь, половицы, лавки. Искали золото. Нашли серебряный крест и медный потир — небогатая добыча. Лампаду не тронули. Даже не посмотрели в её сторону — просто железка, просто масло, просто огонь. Чекист махнул рукой.

Иннокентия увели.

В часовне стало тихо. Только пламя в лампаде продолжа-

ло гореть — ровно, спокойно, словно ничего не случилось.

Через сто лет, почти день в день, Лиза Ковальчук будет стоять на пепелище этой часовни и читать надпись на каменной плите: «Срок — сто лет. 1924–2024. Часовая лампада». И всё начнётся сначала.

Глава 1. Пожар

Ночь с 4 на 5 сентября 2024 года. Иркутск, предместье Рабочее.

Телефон зазвонил в половине второго ночи. Лиза нашла его на тумбочке и, не глядя на экран, поднесла к уху.

— Слушаю.

— Часовня в Рабочем горит. — Голос Громова был сухим, как всегда, но Лиза уловила в нём напряжение. — Та самая. Выезжай.

Она села на кровати, окончательно просыпаясь. За окном шумела листва — старые тополя на улице Карла Маркса ещё не облетели, хотя сентябрь уже вступил в свои права.

— Я буду через полчаса.

Лиза быстро оделась — джинсы, свитер, ветровка. Времени на кофе не было. Она вызвала такси и вышла на улицу.

Ночной Иркутск был пуст и тих. Такси летело по спящим улицам, светофоры мигали жёлтым, и только редкие огни в окнах говорили о том, что город не вымер. Слева темнела Ангара — широкая, с редкими отблесками на воде.

Лиза Ковальчук была реставратором — и не просто реставратором. Последние два года она работала консультантом ФСБ по делам, связанным с церковными артефактами.

Сначала — изумрудный клад поручика Смолина, спрятанный в Китайских гольцах. Потом — Золотая Риза Иверской иконы, которую они с Ветровым нашли в подземных ходах под Соборной площадью. Теперь, похоже, начиналось что-то третье.

Машина свернула на улицу Баррикад. Часовню было видно издалека — она горела.

Пламя поднималось над крышей, лизало небо, и в его свете старые деревянные дома предместья казались декорациями к фильму ужасов. Два пожарных расчёта уже работали, но было ясно: здание не спасти. Крыша обрушилась, и теперь огонь пожирал остатки стен.

Лиза вышла из такси и поёжилась — ночной воздух был холодным, пахло гарью и мокрым деревом. На улице собралась небольшая толпа — жители соседних домов, кто в пижамах, кто наспех одетый. Они стояли и смотрели, как горит их история.

Лиза оглядела толпу — и вдруг заметила человека, который не вписывался в общую картину. Мужчина лет сорока, в тёмной куртке, стоял чуть поодаль, прислонившись к старому «Ленд Крузеру». Он не смотрел на огонь — он смотрел на неё. Лиза встретила его взгляд, и мужчина тут же отвёл глаза, но не ушёл.

— Лиза!

Она обернулась. К ней спешил Глеб Ветров — профессор истории, криптограф, её бессменный напарник по всем рас-

следованиям. Он был в том же пальто, что и всегда, и в тех же очках в тонкой оправе, и, как всегда, выглядел так, будто не спал уже трое суток.

— Громов позвонил? — спросила Лиза.

— Да. Приехал десять минут назад. — Ветров кивнул в сторону пожарища. — Смотри. Сто лет ровно. Почти день в день. В 1924-м пятого сентября в Иркутске судили церковников. А теперь — часовня горит. Совпадение?

— Ты же не веришь в совпадения.

— И правильно делаю.

К ним подошёл майор Громов. Тридцать пять лет, подтянутый, с военной выправкой, которая не исчезала даже в третьем часу ночи. Он был в форме и держал в руке планшет.

— Пожарные сказали: очаг снаружи. Кто-то облил восточную стену горючей смесью. Это поджог.

— Я так и думал, — сказал Ветров.

— И ещё. — Громов понизил голос. — Когда пол прогорел, открылся подпол. И там — каменная плита. С надписью. Лиза и Ветров переглянулись.

— Что за надпись? — спросила Лиза.

— «Срок — сто лет. Год 1924-й. Год 2024-й. Часовая лампада». И восемь имён.

К трём часам ночи огонь наконец сбили. От часовни остался чёрный остов: обугленные стены, груда головешек, каменный цоколь. Пожарные заканчивали проливку, и Громов получил разрешение войти на пепелище — временное,

до начала официальных следственных действий.

Лиза, Ветров и Громов надели каски и осторожно ступили на чёрные от сажи доски пола. Вернее, того, что от них осталось. Деревянные половицы прогорели и обрушились в подпол, и теперь под ногами был слой пепла, перемешанного с землёй.

И среди этого хаоса — плита. Каменная, метровая, с выбитой надписью. Лиза присела на корточки и прочитала вслух:

— «Срок — сто лет. Год 1924-й. Год 2024-й. Часовая лампада. Иннокентий Вампилов. Семён Распутин. Евдокия Вампилова. Пётр Вампилов. Мария Распутина. Никодим Фонарёв. Илья Гонцов. Анна Шадрина».

Ветров присвистнул.

— Вампилов и Распутин. Легендарные фамилии для Иркутска. А Фонарёв — это же тот самый ключарь, который унёс Ризу в подземные ходы в двадцатом году!

— И Гонцов, — добавила Лиза. — Фамилия того чекиста, который арестовал Вампилова. Я видела её в архивах.

— Восемь имён. Восемь человек, которые сто лет назад что-то спрятали под этой часовней. — Ветров поправил очки. — И они хотели, чтобы мы нашли это именно сейчас.

Лиза выпрямилась. В свете фонаря её лицо казалось бледным и решительным.

— Часовая лампада, — повторила она. — Лампада, кото-

рая горит сто лет. Или горела. Она там, под плитой. Я чувствую.

Громов вздохнул.

— Чтобы поднять плиту, нужно разрешение Архипова. А Архипов... вы его знаете.

Лиза знала. Полковник Архипов был тем человеком, который изрядно попортил им кровь во время поисков Ризы. Он не любил, когда кто-то копался в истории, и ещё меньше любил, когда находили то, что должно оставаться buried. Но теперь, после Ризы, он был на крючке — в Москве ему ясно дали понять, что ещё одна ошибка станет последней.

— Я поговорю с ним, — сказала Лиза. — Утром.

Она повернулась, чтобы уходить, и снова заметила того человека. Он всё ещё стоял у своего «Ленд Крузера», и теперь, в свете догорающих головешек, Лиза могла разглядеть его лицо: жёсткое, с глубокими складками у рта, с глазами, в которых читалась какая-то застарелая, невысказанная боль.

— Кто это? — спросила она у Громова.

Майор посмотрел в ту сторону.

— Не знаю. Но я его уже видел. Он был здесь, когда мы нашли Ризу. Стоял в толпе. Я тогда не придавал значения...

Человек, словно почувствовав, что говорят о нём, развернулся и пошёл к машине. Через минуту «Ленд Крузер» завёлся и скрылся в темноте.

— Надо узнать, кто он, — сказала Лиза.

— Узнаем, — пообещал Громов. — Но сначала — плита.

Глава 2. Архипов

5 сентября 2024 года, утро. Иркутск, управление ФСБ.

Кабинет полковника Архипова находился на четвёртом этаже серого здания на улице Литвинова. Из окон открывался вид на Ангару — просторный, величественный, но Архипов редко смотрел в окно. Ему было не до красот.

Сегодня он сидел за столом, перебирая бумаги, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Лиза и Ветров сидели напротив. Громов стоял у двери.

— Я не понимаю, — сказал Архипов, не поднимая глаз от рапорта, — зачем нам это нужно. Часовня сгорела. Это печально, но это не наше дело. Пожарная инспекция разберётся. А каменная плита — это археология. Пусть ею занимаются археологи.

— Дмитрий Сергеевич, — Ветров говорил спокойно, но твёрдо. — На плите надпись: «Срок — сто лет». Тот, кто её положил, знал, что часовню вскроют именно сейчас. Не в 1930-м, не в 1950-м — а в 2024-м. Это адресованное нам послание. И если мы его проигнорируем...

— То что? — Архипов наконец поднял глаза. — Что случится? Мир рухнет?

— Нет. Просто те, кто поджёт часовню, найдут это первыми.

Повисла пауза. Архипов перевёл взгляд на Лизу.

— Вы так думаете?

— Я знаю, — сказала Лиза. — Пожар начался снаружи. Восточную стену облили горючей смесью. Это не случайность и не вандализм. Кто-то знал, что под часовней тайник, и надеялся, что пожар вскроет его. Или уничтожит. В любом случае — этот кто-то не остановится.

Архипов откинулся на спинку кресла. Он был умным человеком, этот полковник. И он понимал, что Лиза права.

— Если мы начнём поднимать плиту, — сказал он медленно, — это будет выглядеть как авантюра. А у меня после истории с Ризой каждая авантюра — как красная тряпка для Москвы. Вы этого хотите?

— Мы хотим только одного, — сказал Ветров. — Поднять плиту и посмотреть, что под ней. Если там пусто — мы признаем ошибку. Но мы знаем, что там не пусто.

— Откуда вы знаете?

Ветров полез в портфель и достал копию архивного документа — пожелтевший лист с грифом «Дело 42-К».

— Вот. Справка из архива. В январе 1924 года священник Иннокентий Вампилов перед арестом успел спрятать в часовне некие артефакты. Чекисты искали золото, но нашли только церковную утварь. Лампаду — а это была именно лампада — они не тронули. Посчитали рухлядью. Но Вампилов знал, что делал. Он оставил лампаду гореть — на сто лет.

Архипов взял справку, пробежал глазами. Потом отложил

и долго смотрел в окно. Там, за стеклом, текла Ангара —
равнодушная, как время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.